

УДК 821.111
ББК 83.3(0)943

Е.В.Григорьева

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
РЕФЛЕКСИЯ В РОМАНЕ
КЛАРЫ РИВ
«ИЗГНАННИКИ,
ИЛИ МЕМУАРЫ
ГРАФА ДЕ КРОНШТАДТА»**

Рассматривается формирование нового типа героя в творчестве К. Рив. Преодолев психологическую статичность персонажей, присутствующую в её более ранних произведениях, К. Рив разрушает стереотип сентиментального героя, усложняя психологическую мотивацию его поведения, и создает принципиально иной характер, скорее, предромантический, воплощающий сложную психологическую рефлексию, противоречивость и двойственность, несовместимые с рационалистической однолинейностью.

Ключевые слова: *сентиментальная готика, национальные стереотипы, мемуары, психологический, предромантический, рационалистический, эпистолярный роман, рефлексия.*
DOI 10.23683/1995-0640-2018-3-149-157

Григорьева Елена Валентиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-903-404-35-60
E-mail elval@sfedu.ru

© Григорьева Е.В., 2018.

Исследователей английской литературы последней трети XVIII в. Клара Рив привлекает внимание прежде всего как автор одного романа – «Старый английский барон» (1777) и диалогического трактата «Развитие романа» (1785), хотя ее перу принадлежат несколько произведений разных жанров, в том числе и роман «Изгнанники, или мемуары графа де Кронштадта», представляющий собой новую веху в творчестве писательницы.

Роман вышел в свет 1788 г. и ознаменовал переход К. Рив к новому жанру – сентиментальному роману, весьма популярному в последней трети XVIII в. Недаром предпринимались попытки связать этот роман с многочисленными литературными источниками, в том числе и с романом аббата Прево «Киллеринский настоятель» [Антонов, 2012, с. 253]. В предисловии к роману К. Рив подробно представила историю его создания, весьма любопытную и позволяющую судить о том, что работа над ним длилась в течение нескольких лет. Со слов писательницы, один из ее друзей, давно охваченный глубокой хандрой, как-то решил найти для себя увлекательное занятие, которое могло бы развеять его тоску. *Tædium vitæ* (лат.) и *ennui* (франц.) – так определяет К. Рив это мучительное психологическое состояние, от которого, по ее мнению, страдают многие мужчины и женщины ее века [Reeve, 1788, vol. 1: XIII]. Она уверена, что происходит все это большей частью от безделья, поэтому предлагает своему другу написать роман, обещая свою по-

мощь. Ей предоставлено право разработать план будущего сочинения, который она и предложила на суд предполагаемого соавтора: *«Я представила себе троих мужчин из разных стран, которые встретились во время путешествий и вступили в тесную дружбу. Потом они расстались и вынуждены были сообщать друг другу о своей жизни и приключениях. Один из них немец, второй француз, а третий англичанин. У всех них просвещенный ум и благородные сердца – одним словом, это граждане мира»* [Reeve, 1788, vol. 1: XV]. Однако друг в итоге отказался от проекта, предоставив автору право самой закончить роман. Вернувшись домой, она положила рукопись в ящик, где та пролежала целый год вместе с другими незавершенными набросками. Работе над романом помешали многочисленные обстоятельства, и он был отложен. Более того, К. Рив пишет другой роман – «Замок Коннор. Ирландская история», рукопись которого была потеряна «то ли по дороге, то ли в гостинице» [Reeve, 1788, vol. 1: XIX]. О ее судьбе писательнице так ничего узнать и не удалось, и лишь после этой печальной истории К. Рив вернулась к замыслу романа о трех друзьях и их поучительных приключениях.

Здесь же, в предисловии, К. Рив обозначила особенности композиции своего романа. В соответствии с первоначальным замыслом предстояло рассказать три истории. Несостоявшийся соавтор сразу же предложил писательнице заняться героем – немцем. Вероятно, над этой историей писательница и работала сначала, потому и получилось, что она оказалась в центре повествования. К. Рив признается, что один сюжет (скорее всего, француза де Курвиля) она свела до простой схемы, а второй (историю англичанина Беркли, основного корреспондента и распорядителя дел главного героя) включила в повествование, сделав лишь средством для завершения фабулы. Писательница замечает, что она, к примеру, не превратила историю жизни де Курвиля в целый том, хотя она весьма увлекательна: *«Историк мог бы, если бы захотел, заполнить ее эпизодами и подробностями <...> Обо всем этом упоминается лишь между прочим, чтобы подвести к катастрофе, после чего вы увидите, как достойный человек, де Курвиль, расплатится за свою честность и самоотречение в прежних обстоятельствах»* [Reeve, 1788, vol. 2, p. 264–265]. Потому в итоге главным героем становится немец граф де Кронштадт, судьба которого воссоздана в развернутых «эпизодах и подробностях», и роман получает название по его имени – «Изгнанники, или мемуары графа де Кронштадта».

Роман написан в эпистолярной форме, которой писательница в дальнейшем останется верна. Но, по существу, в повествовании совмещены два жанра: мемуары (бесконечно длинное, на целые полтора тома, письмо-исповедь графа де Кронштадта своему другу Беркли, в котором герой рассказывает историю собственной жизни и заблуждений – роман в романе) и эпистолярный дневник (датированные письма Беркли де Курвилю – подробный и последовательный рассказ о попытках спасти графа и уладить его дела, тоже своеобразный роман в романе). Письма остальных персонажей играют вспомогательную роль: они включены

(обычно предоставлены или графом де Кронштадтом или Беркли) в эти два романых блока и призваны раскрыть дополнительные обстоятельства происходящих событий.

Слово «изгнанники» (exiles), вынесенное в заголовок романа, имеет особый смысл и объединяет героев романа сходной судьбой. Действие происходит в Германии. Беркли и де Курвиль, чужестранцы, отвергнутые своими семьями, вступают волонтерами в австрийскую армию. Их судьбу разделяет и граф де Кронштадт, сирота, изгнанный из дома жестоким дядюшкой и готовый начать новую жизнь. Жизненные обстоятельства основных персонажей оказываются подчеркнуто сходны: все герои изначально одиноки и вынуждены делать собственный выбор. Это сходство объясняет их духовное сближение. «Храм дружбы» – так определяют свои отношения персонажи. К тому же они именуют себя «гражданами мира», желая тем самым подчеркнуть свою независимость и верность общечеловеческим ценностям. Для де Курвиля эти принципы становятся жизненной философией. Обманутый недобросовестными наследниками фамильного состояния, он начинает свободные странствия по миру: «... он был гражданином мира, свободным в любой стране. Более того, он отвергал мнения и предрассудки в пользу свободы и против деспотизма» [Reeve, 1788, vol. 2, p. 263]. «Вы видите перед собой изгнанника и странника», – говорит о себе Беркли [Reeve 1788, vol. 3, p.167].

Но своеобразие романа состоит в попытке развернуть характер главного героя в неожиданном для К. Рив ракурсе. В «Двух наставниках», появившихся пятью годами ранее, писательница столкнула порок и добродетель в непримиримом противостоянии. Поэтому в предисловии к роману автор достаточно категорично определяет свою цель: «... рекомендовать и распространять общественные и семейные Добродетели, представляя их как единственный путь к Счастью» [Reeve, 1803, Advertisement]. Но конфликтная ситуация, заложенная в таком изначально противостоянии, оказывается мнимой, потому что наивный и любопытствующий герой изначально ориентирован на добродетель. Это определило четкую поляризацию персонажей и неизбежно их психологическую статичность. Трагическая судьба графа де Кронштадта в «Двух наставниках», скорее всего, могла бы стать лишь одним из убедительных примеров заблуждений, призванных укрепить главного героя в добродетели. В «Изгнанниках» она становится предметом углубленного психологического исследования. Как отмечают исследователи готической прозы, для представительниц школы сентиментальной готики (или, как ее называют некоторые литературоведы [Луков, 2006; Вершинин, 2003; Ладыгин, 2000], «аффектированной»), вообще характерен интерес к психологическим состояниям, и в первую очередь это касается романов Анны Радклиф [Заломкина, 2010; Соловьева, 2005; Garrett, 2003; Haggerty, 1998, Lyn, 2004; Williams, 1955; Penzoldt, 1965; Birkhead, 2003; Karl, 1965]. Но А. Радклиф анализирует эмоции, связанные в основном с состояниями ужаса, страха или страдания, Клара Рив ставит перед собой более сложную задачу.

Для понимания замысла писательницы особое значение, на наш взгляд, имеет национальная идентификация персонажей. Попытка сравнить различные национальные типы впервые появляется в литературе эпохи Просвещения (Монтескье, Вольтер, Прево, Руссо). Присутствует она и в произведениях представительниц сентиментальной готики – Смит, Рив, Радклиф. Особенно значимой для них становится антитеза Франции и Англии, в частности французских и английских нравов. Но в «Изгнанниках» К. Рив расширяет угол зрения, сделав предмет своего анализа и немецкий характер. Главные персонажи романа воплощают разные национальные стереотипы, в определенной мере закрепленные культурой Просвещения. Англичанин Беркли отличается безупречным благородством, чувством ответственности, трезвым умом. Именно он становится доверенным лицом графа де Кронштадта, хранителем его тайн и пытается, по мере сил, исправить совершенные юношей ошибки. Сознывая шаткость собственного социального статуса, он трезво рассчитывает собственные планы и надежно защищен от страстей: они не властны над ним, и он готов неизменно жертвовать собой ради тех, кто терпит бедствие.

Французские персонажи в романах Клары Рив обычно получают негативную оценку. Для английской моралистки современная французская культура неизменно ассоциируется с либертинажем салонного толка. Своеобразным идеологом таким образом истолкованной французской свободы в «Двух наставниках» выступает леди Бельмур, стремящаяся развратить героя. В «Изгнанниках» тоже появляется подобный персонаж – французский петиметр де Вьевиль. Приехав погостить в имение графа Требена, где собрались его юные друзья, он пытается приобщить юношей к светским забавам в собственном вкусе, для чего привозит в имение девиц легкого поведения, но все его усилия оказываются тщетными. Единственным адептом его философии оказывается его приятель, брутальный датчанин Ван Вурст, который, в конце концов, изгнан из дома за попытку совершить насилие над крестьянской девушкой. Кстати, спасение этой девушки от домогательств Ван Вурста стало началом всех последующих испытаний главного героя, графа де Кронштадта.

Контрастным персонажем оказывается француз де Курвиль, рано покинувший родину. Он объявляет себя гражданином мира, но исключает для себя в духовном смысле лишь одну страну – Францию, с которой ни при каких условиях свою судьбу связать не намерен. У него есть одно важное свойство, которое автору романа представляется истинно французским – здравый смысл. Он не склонен предаваться печали, если уже нет возможности исправить случившееся. Он умеет разумно планировать будущее и учитывать собственные возможности, даже при том, что по природе своей является искателем приключений

Эти две судьбы (Беркли и де Курвиля) иллюстрируют, так сказать, положительные и назидательные примеры разумного и ответственного жизнеустройства. Представляя свой роман читателям, К. Рив подчерки-

вала: «... мою цель всегда составляли защита нравственности, осуждение порока и утверждение общественных и семейных добродетелей» [Reeve, 1788, vol. 1, XIII]. История графа де Кронштадта, соответственно, должна служить предостережением – как картина плачевных последствий ошибок и заблуждений. Но в «Изгнанниках» К. Рив подробно, в деталях, развернута именно эта история, которая превращена в собственно психологический роман.

То, что в качестве трагического героя выбран немец, вряд ли случайно в свете общего замысла романа. Как уже отмечалось, К. Рив ориентировалась на определенные национальные стереотипы. Можно предположить, что в формировании немецкого национального стереотипа решающую роль в последней трети XVIII в. мог сыграть роман Гете «Страдания юного Вертера», переведенный на все основные европейские языки и пользовавшийся огромной популярностью. Вертер стал для этой эпохи воплощением истинной жизни чувства, в противовес философии разумного эгоизма, т. е. идеальным сентиментальным героем. Граф де Кронштадт, в отличие от своих друзей, также не в силах совладать с порывами чувств, которые делают его беззащитным перед испытаниями и необходимостью принимать ответственные решения. Его первая встреча с крестьянкой Жаклин становится прелюдией последующих несчастий. Ей предшествует целый ряд обстоятельств, создающих ощущение трагической предопределенности: семейная катастрофа его отца, ставшая результатом неравного брака, строгий запрет дядюшки-опекуна жениться против его воли, наконец, история графа Требена о его страстной любви к Жаклин, рассказанная в компании друзей как раз незадолго до события.

Исповедь графа глубоко трогает его друзей: «Мы оба восхищались поведением графа: мы благодарили его за оказанное доверие и пообещали помнить историю его любви как урок на будущее и для нас самих» [Reeve, 1788, vol. 1, p. 107]. Эту историю граф де Кронштадт выслушивает буквально за несколько дней до случайной встречи с Жаклин при самых романтических обстоятельствах: весенний лес в цвету, прелестная девушка, отправившаяся искать улетевшую из клетки любимую птичку, грубый варвар, решивший воспользоваться ее беззащитностью, и вдруг – спаситель, прекрасный рыцарь, появившийся невесть откуда и с позором изгнавший негодяя. Герой сразу узнает в незнакомке ту самую Жаклин, о которой рассказывал граф, и сюжет, казалось бы, может повториться. Но молодые люди переживают первое взаимное чувство, и это полностью меняет ситуацию.

В эти дни в руки героя случайно попадает книга – «Идиллии» Геснера, и она оказалась полностью созвучна его переживаниям: «Я в первый раз ощутил нежное очарование страсти и надежду на ответное чувство» [Reeve, 1788, vol. 1, p. 142]. Текст Геснера опосредованно определяет общую тональность этого романного эпизода, развивающегося в идиллическом хронотопе. Даже душевные борения героя оформлены в стилистике средневековой поэзии: «Что ты делаешь? – сказал разум. –

Я не знаю и не хочу знать, – ответила страсть. – Разве ты стремишься искушать своей страстью эту прелестную и невинную девушку? Ты хочешь ее погубить? – сказал разум. – Нет, ни в коем случае, – ответила страсть. – Значит, ты собираешься жениться на ней и погубить себя? – сказал разум. – И этого не хочу, – ответила страсть» [Reeve, 1788, vol. 1, p. 140]. Эта дилемма оказывается для героя неразрешимой. Он вновь и вновь возвращается к сомнениям, а события тем временем развиваются своим чередом. Жаклин становится его любовницей, скрывая тайну от матери. В итоге герой оказывается перед необходимостью принять решение, и оно оказывается парадоксальным и по существу безнравственным: он надевает на себя чужую личину. Сначала примеривается новое имя: граф выдает себя за племянника дворецкого своего дядюшки Альберта Крейцера и предстает перед семейством Фолькер под именем Джон Фредерик Крейцер. Более того, чтобы впервые появиться перед г-жой Фолькер в качестве жениха, графу приходится прибегнуть к маскараду с целью скрыть свое благородное происхождение: «Я залез в свой сундук, достал оттуда одежду попроще... Я причесался под простолоудина, избавился от шляпы и таким образом превратился в того человека, которого должен был изображать» [Reeve, 1788, vol. 2, p. 2].

В итоге все начинается со лжи: ни строгий запрет опекуна, ни собственное благоразумие не могут остановить графа. Он под чужим именем женится на Жаклин и обрекает себя на двойную жизнь, «ни разу не подумав о последствиях» [Reeve, 1788, vol. 2, p. 15–16]. Психологический конфликт в романе развивается по заданной схеме, как цепь все более рискованных компромиссов. Герой старается убедить себя в том, что мог бы быть абсолютно счастлив в сельской идиллии, однако время от времени тщеславие влечет его к привычной социальной среде, и он ощущает себя почти несчастным: «...я исключен из общества людей благородных и достойных и обречен страдать от унижений, который сам на себя навлек» [Reeve, 1788, vol. 2, p. 137]. В свое время дядюшка намерен был устроить его брак с девушкой из хорошей семьи, красивой и к тому же богатой, но граф, увлеченный Жаклин, отвергает этот проект. Мужем г-жи М. становится друг героя, Беренштейн. После свадьбы молодые приглашают графа де Кронштадта погостить у них. Он приезжает, и вид чужого счастья вызывает у него запоздалое сожаление: «Я ясно увидел, что если бы не эта фатальная одержимость, я мог бы стать счастливым человеком, обладая этой прекрасной женщиной» [Reeve, 1788, vol. 2, p. 170].

Между тем у героя возникают новые социальные обязательства и одновременно соблазны. Ему оказывает покровительство старый друг его отца, влиятельный генерал, а его дочь Мелузина демонстрирует графу явные знаки внимания. На рыцарском турнире, который для забавы устраивают молодые дворяне, она предстает его дамой. Все складывается так, что отказ героя на этот раз может означать для него полную социальную катастрофу. И в этот решительный момент он становится свидетелем завязавшегося в кофейне спора, который во многом предо-

пределил его решение: «... они заговорили о разных формах брачных отношений, о наложницах и о либертинаже <...>

– Я всегда держу моих девиц в строгой зависимости от меня. И если ничто, кроме брака, не может их завоевать, я удовлетворяю их предрассудки и при этом сохраняю свою свободу.

– Bravo! Но как это устроить?

– Ну, во-первых, я никогда не женюсь на девушке под моим фамильным именем, а во-вторых, я никогда не заключаю церковный брак, потому что они хотят замуж, чтобы извлечь собственную выгоду» [Reeve, 1788, 2, p. 195–196].

Герой находит во всем сказанном отзвук своих мыслей: «Впоследствии я не раз встречал этих молодых прусских офицеров, и мы продолжали разговор. Они убеждали меня в справедливости того, на чем они настаивали

<...> Я часто обсуждал эту тему: мне необходимо было прийти к решению <...> Я старался убедить себя, что я могу считать Жаклин своей морганатической женой и взять в жены Мелузину в соответствии с моим рангом и положением» [Reeve, 1788, vol. 2, p. 203–204].

Таким образом, К. Рив разрушает стереотип сентиментального героя, что усложняет психологическую мотивацию его поведения. Совершенный компромисс имеет трагические последствия. Друзья обращают внимание, что уже на свадьбе с Мелузиной граф де Кронштадт производит впечатление глубоко несчастного человека. Именно после свадьбы он посылает Беркли свою исповедь, потому что уже думает о смерти и о тех обязательствах, которые должен будет исполнить. Смерть Жаклин, которая узнает эту тайну и не может с ней жить, приводит графа к окончательному психологическому краху. Он совершает безрассудные поступки, один из которых оказывается для него роковым. После женитьбы графа на Мелузине его слуга Шнайдер начинает шантажировать графа, угрожая разоблачением. Преследования Шнайдера усугубляют и страдания Жаклины, и графу Кронштадту удобнее считать, что именно Шнайдер является причиной её смерти. Беркли говорит об этом прямо: «Я заговорил о Шнайдере <...> Это увело его мысли от себя самого, и ему захотелось найти кого-то другого, чтобы разделить часть вины» [Reeve, 1788, vol. 3, p. 88]. В итоге граф де Кронштадт убивает Шнайдера, сам получает тяжелую рану, которая и сводит его в могилу. Великодушный Беркли вынужден улаживать все его дела, спасая честь графа и будущее его сына. «Его главный недостаток – нерешительность, которая и стала причиной всех его несчастий», – таково его суждение о характере друга [Reeve, 1788, vol. 3, p. 221].

Таким образом, в сентиментальном романе «Изгнанники» Кларе Рив удалось создать новый тип героя, скорее предромантического, воплощающего сложную психологическую рефлексию, противоречивость и двойственность, несовместимые с рационалистической однолинейностью.

Литература

- Антонов С.А. У истоков готической прозы // *Клара Рив*. Старый английский барон. М.: Ладомир, 2012. 270 с.
- Вершинин И.В. Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и поэтизация культуры. Самара: Изд-во СПГУ, 2003. 350 с.
- Заломкина Г.В. Готический миф. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. 347 с.
- Ладыгин М.Б. Предромантизм в мировой литературе. М.: Полярная звезда, 2000.
- Луков Вл.А. Английский предромантизм. М.: Наука, 2006. 688 с.
- Соловьева Н.А. Английский предромантизм. М., 2005.
- Birkhead E. *The Tale of Terror. A Study of the Gothic Romance*. N, Y., 1963.
- Garrett P. *Gothic reflection: Narrative Force in Nineteenth-Century Fiction*. N.Y., 2003.
- Haggerty G. *Unnatural Affections: Women and Fiction in the Later 18th Century*. Indiana University Press, 1998.
- Karl F. *Reader's Guide to the Development of the English Novel in the Eighteenth Century*. L., 1965.
- Lyn P. *The «Improper» Feminine: The Women's Sensation Novel and the New Woman Writing*. L.; N.Y., 2004
- Penzoldt P. *The Supernatural in Fiction*. N.Y., 1965.
- Reeve C. *The exiles; or, memoires of the Count de Cronstadt*. Vol. 1-3. L., 1788.
- Reeve C. *The Two Mentors: A Modern Story*. The Third Edition. L., 1803.
- Williams A. *Art of Darkness. A Poetics of Gothic*. L., 1995.

References

- Antonov S.A. U istokov goticheskoy prozy. *Klara Riv. Staryy angliyskiy baron*. M., Ladomir, 2012. (In Russian).
- Vershinin I.V. *Predromanticheskiye tendentsii v angliiskoy poehzii XVIII veka i poehtizatsiya kul'tury*. Samara, Izd-vo SPGU, 2003. (In Russian).
- Zalomkina G.V. *Goticheskii mif*. Samara, 2010. (In Russian).
- Ladygin M.B. *Predromantizm*. M., 2000. (In Russian).
- Lukov V.I.A. *Angliyskiy predromantizm*. M., 2006. (In Russian).
- Solov'eva N.A. *Angliyskiy predromantizm*. M., 2005. (In Russian).
- Birkhead E. *The Tale of Terror. A Study of the Gothic Romance*. N, Y., 1963.
- Garrett P. *Gothic reflection: Narrative Force in Nineteenth-Century Fiction*. N.Y., 2003.
- Haggerty G. *Unnatural Affections: Women and Fiction in the Later 18th Century*. Indiana University Press, 1998.
- Karl F. *Reader's Guide to the Development of the English Novel in the Eighteenth Century*. L., 1965.
- Lyn P. *The «Improper» Feminine: The Women's Sensation Novel and the New Woman Writing*. L. and N.Y., 2004
- Penzoldt P. *The Supernatural in Fiction*. N.Y., 1965.
- Reeve C. *The exiles; or, memoires of the Count de Cronstadt*. Vol. 1-3. L., 1788.
- Reeve C. *The Two Mentors: A Modern Story*. The Third Edition. L., 1803.
- Williams A. *Art of Darkness. A Poetics of Gothic*. L., 1995.

Elena V. Grigorieva (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Psychological Reflection in Clara Reeve's novel «The exiles; or, Memoires of the Count de Cronstadt»

The article focuses on the new types of protagonists that Clara Reeve introduces in her novel «The Exiles, or Memoirs of the Count de Cronstadt». For Reeve, this book was a turning point towards a new genre, the sentimental novel, which was gaining popularity in the late XVIIIth century. No wonder attempts were made to link this novel with numerous literary sources. Epistolary in form, «The Exiles», however, shares genre traits with a memoir (infinitely long, for a whole and a half volumes, a confession letter of the Count of Kronstadt to his friend Berkeley in which the character tells the story of his own life and delusions – a novel in the novel) and a diary and epistolary diary (dated Berkeley de Courville letters – a detailed and consistent account of attempts to save the Count and settle his affairs, also a novel in the novel). The protagonists become the subject of a detailed psychological study. The psychological conflict progresses in a sequence of increasingly precarious compromises. Of special note is the author's use of national identity concepts: the protagonists embody many national stereotypes that the Enlightenment supported. The character of Count de Cronstadt, a German, becomes the centerpoint for the psychological dimension of the novel. Here Reeve outgrows her previous static psychological portrayal and deconstructs the 'sentimental hero' cliché by adding mental and emotional complexity and ambiguity that are more readily associated with the pre-Romantic characters and their controversial selfconsciousness that is in conflict with the linear rationality.

Key words: *sentimental Gothic, national stereotypes, memoir, psychology, pre-Romanticism, rationality, epistolary novel, introspection.*

Grigorieva Elena Valentinovna – candidate of linguistics, professor assistant of world literature theory and history dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University. Phone 8-903-404-35-60; e-mail elval@sfedu.ru